

ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА ДМИТРИЕВА
кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (Ижевск, Российская Федерация)
lad95@udman.ru

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЗАЙЦЕВА
доктор филологических наук, заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики
Удмуртский государственный университет (Ижевск, Российская Федерация)
uawoz@rambler.ru

ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УДМУРТСКОГО ПРОЗАИКА КЕДРА МИТРЕЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА*

Статья посвящена актуальному вопросу изучения жизнетворчества в произведениях удмуртского писателя Кедр Митрея 1907–1917 годов. Большинство этих произведений сохранилось в рукописях, в том числе – автобиография 1911 года, опубликованная во фрагментах и известная в истории удмуртской литературы как повесть «Дитя большого века». Впервые архивный корпус текстов Кедр Митрея, хранящийся разрозненно в различных архивах Удмуртии и Татарстана, интерпретируется нами в жизнетворческом аспекте: рукописи и жизненная практика писателя дореволюционных лет осмысляются как единый текст с определенным замыслом, вписанный в общественно-культурный и литературный контекст эпохи. Сделаны выводы о взаимосвязи жизненного поведения и художественного мира писателя, что проявилось в устойчивом наборе тем и мотивов произведений. Каждый рассматриваемый текст Кедр Митрея реализует собственную стратегию, соответствующую индивидуальному «набору» жизнетворческих моделей: романтика, интеллигента, просветителя, журналиста, писателя.

Ключевые слова: удмуртская литература, Кедр Митрей, жизнетворчество, жизнетворческие модели, жизненное поведение, жанр, автобиография, мемуары, национальная интеллигенция

Для цитирования: Дмитриева Л. А., Зайцева Т. И. Жизнетворческие модели в произведениях удмуртского прозаика Кедр Митрея дореволюционного периода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.425

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассмотрено дореволюционное рукописное наследие Кедр Митрея (псевдоним Дмитрий Иванович Корепанова) в аспекте становления его творческой индивидуальности. Дмитрий Иванович Корепанов (1892–1949) – выдающийся прозаик, драматург, ученый-лингвист, журналист, педагог, общественный деятель Удмуртии 1920–1930-х годов. Он стоял у истоков удмуртской художественной литературы, принадлежал к первому поколению национальной творческой интеллигенции, начавшей формироваться еще до 1917 года. Многообразная деятельность писателя во многом определила путь развития удмуртского литературного языка и удмуртской литературы в целом.

Анализ текстов Кедр Митрея, созданных до 1917 года, позволяет объективнее оценить советский период его творчества в целом, проанализировать противоречивые стороны его личности, а также эволюцию взглядов писателя

на религию и собственное литературное творчество. К сожалению, творчество Кедр Митрея и его просветительская деятельность еще не получили адекватной оценки специалистов. Так, наиболее слабо изученной сферой является дореволюционный период его творческой деятельности, тем более что автобиография писателя 1911 года не была полностью опубликована и не рассматривалась как материал для глубокого исследования. Первое монографическое исследование о писателе – книга З. А. Богомоловой «Творчество Кедр Митрея» [2] – вышла в 1967 году. Сложная задача осмысления духовного наследия писателя еще ждет своего выполнения: не издано академическое собрание его сочинений, неравномерно исследованы различные периоды его творчества. Однако удмуртские литературоведы проделали большую предварительную работу по сбору фактических материалов к биографии и творчеству Кедр Митрея [1], [3], [6], [7], [10]. Сегодня актуальным является

вопрос о необходимости изучения философских основ творчества Кедр Митрея [4]. В связи с этим плодотворной представляется попытка рассмотреть концепцию жизнетворчества применительно к литературной и просветительской деятельности Кедр Митрея.

Понятие жизнетворчества совмещает в себе разные смысловые аспекты: оно может быть объектом исследования литературоведения [13], [14], [17], [20], культурологии [18], психологии [9], искусствоведения [15] и семиотики бытового поведения [11], [12]. Это междисциплинарная область изучения культуры. Обращение к проблеме жизнетворчества является одной из перспективных тенденций в современной гуманитарной науке, способствуя формированию целого направления в культурологии и литературоведении. Подробный анализ жизнетворческих стратегий удмуртского автора Кедр Митрея позволяет приблизиться к пониманию его эволюции (семинариста Дмитрия Корепанова к пишущему под псевдонимом Кедр Митрей классика удмуртской литературы).

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЯ

Рукопись автобиографии Кедр Митрея, хранящаяся в фонде Национального музея УР имени Кузубая Герда¹, – важнейший источник осмысления логики становления и развития нравственно-философских взглядов, творческой индивидуальности молодого писателя. Автобиография Кедр Митрея ранее была опубликована лишь в отрывках². Она вошла в историю удмуртской литературы как автобиографическая повесть под заглавием «Дитя больного века». Первые фрагменты автобиографии были включены в сборник «Избранное» (1965), составленный редактором А. А. Ермолаевым из произведений, переведенных самим Кедр Митреем на русский язык в 1920–1930-е годы. В этом издании фрагменты автобиографии озаглавлены как отрывки автобиографической повести «Дитя больного века».

Ответственность за выбор варианта заголовка «Дитя больного века» взяла на себя исследователь творчества Кедр Митрея З. А. Богомолова. В одном из своих интервью она говорила:

«Я занялась творчеством Кедр Митрея. Мне повезло: его дочь разрешила поработать с его архивом. Там я обнаружила рукопись “Дитя больного века” (это мое название), которую я и открыла для удмуртской литературы» [3].

В 1990-е годы автобиография Кедр Митрея вновь была опубликована в сокращении³.

Важно заметить, что в самой рукописи автобиографии заглавие отсутствует. В одном варианте Кедр Митрей обозначил ее жанр как автобиографию, в другом – как мемуары. В год окончания работы над автобиографией (1911) писатель следующим образом комментирует

в письмах ее название: «Свое сочинение я назвал было “Автобиографией”, но т. к. лица, ознакомившиеся с ним, дали название “Дневника”, то и я согласился с ними»⁴. В письме к возлюбленной Татьяне Барминой он называет рукопись иначе: «Благодаря нашим взаимно-дружеским отношениям воссоздалось мое творение под названием “Автобиографии и мемуаров”»⁵.

Найденные нами архивные материалы позволяют уточнить, что заголовок «Дитя больного века» Кедр Митрей придумал сам, но предназначал его не для автобиографии, а для незаконченного романа, а также – для публицистической статьи, но с заменой слова «дитя» на форму множественного числа – «дети»⁶.

В своей статье мы также опираемся на рукописные школьные тетради Кедр Митрея, переплетенные им в два толстых тома и озаглавленные: «Книга 1-я. Тетради по чистописанию, русскому языку, истории, Закону Божию и др<угое> м<ногое> пр<очее>»⁷ и «Книга 2-я. Сборник тетрадей по арифметике, географии, естествоведению и алгебре, выписки из книг и стихотворения»⁸. В этих тетрадях нами обнаружены первые стихотворения и прозаические тексты Д. И. Корепанова, его статьи и письма. Более половины объема «Книги 2-й...» занимают отрывки из русской и мировой художественной литературы («выписки из книг и стихотворения»), условно обозначенные в статье как «читательский дневник» писателя. Кроме того, малоизвестные свидетельства о Кедр Митрее и некоторых его современниках обнаружены в фондах Государственного архива Республики Татарстан⁹, Центрального государственного архива Удмуртской Республики¹⁰, Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики¹¹. Большинство сохранившихся ранних набросков писателя содержится в материалах архивного фонда Кедр Митрея, который находится в Удмуртском институте истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН¹². В центре нашего внимания – художественные произведения Кедр Митрея предреволюционных лет, его незаконченный роман «Дитя больного века» и некоторые публицистические статьи.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИХ ТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ В ТЕКСТАХ КЕДРА МИТРЕЯ

Процесс становления личности писателя начинается с момента его поступления в Казанскую учительскую семинарию (1907), вплоть до переломного 1917 года. События Октября и Гражданской войны оказали сильное влияние на его дальнейшую творческую биографию. Жизнетворчество Кедр Митрея проявилось в попытке создать биографию-произведение с ориентацией на известные культурные и литературные модели. Основная цель его жизнетворческих стратегий –

ассимилироваться в среде творческой интеллигенции эпохи и реализовать себя как национального писателя. Наиболее ярко тип поведения разночинца-интеллигента отражен в автобиографии и читательском дневнике Кедра Митрея. В этом ощущается влияние произведений Л. Н. Толстого, А. К. Шеллера-Михайлова, Ю. В. Жадовской и др. Так, в духе героев Ф. М. Достоевского удмуртский автор размышляет о своей жизни, описаны переживания, сомнения, сожаления и другие негативные эмоциональные состояния:

«Я во всю ночь не мог заснуть; мой сон куда-то весь пропал. Передумывал обо всем я в эту ночь. <...> Я плакал, плакал истерически. Ах! Если б я был сын какого-либо богача, а не этого вотяка-бедняка. И почему я имею какие-то родственные чувства? Почему судьба так зло насмеялась надо мной? В чем я виноват? Не оттого же должен я терпеть, что родился именно в этой среде, а не в другой какой!»¹³.

Изменение мировоззрения Кедра Митрея подробно описывается в автобиографии. Он пришел к атеистическим взглядам аналогичным для российской интеллигенции путем. В тексте автобиографии тщательно реконструируется его жизненный путь с самого детства. Получивший религиозное воспитание в семье (мать отличалась набожностью, ходила на богомолье), он глубоко переживал потерю веры. В автобиографии подробно описывается поведение разувевшегося ученика Зуринского училища:

«Моя набожность, как я выразил уже выше, продолжалась только до святок, и после них произошел переворот. Тогда я перешел из одной крайности в другую. Да, я ударился в другую крайность – стал настоящим атеистом; смеялся сам над собой, над своими аскетическими выходками. Ничего священного для меня не существовало»¹⁴.

Базой формирования новых принципов мировоззрения для Кедра Митрея становится литература. Он был хорошо знаком с творчеством писателя А. К. Шеллера-Михайлова. В романе «Гнилые болота» (1864) русский писатель развивает идею разумно-практического эгоизма, высказанную Н. Г. Чернышевским в статье «Антропологический принцип в философии» (1860) и развернутую в философии «новых людей» в романе «Что делать?» (1862).

Соответственно новому мировоззрению, герой автобиографии отстраняется от участия в каких-либо инициативах семинаристов:

«Я решил лучше идти ощупью, по течению, без сопротивлений этим течениям, чтобы не навлечь на себя какой-либо беды. <...> Но ни пред кем не следует унижаться, не нужно ронять свое достоинство...»¹⁵.

Этот тип поведения, избранный Кедра Митреем после его отказа от веры, все же противоречит заложенному в нем христианскому воспитанию. В автобиографии Д. И. Корепанов негативно оценивает свои прошлые поступки: «С тех пор станюсь я черствым, перестаню сочувствовать, не забочусь больше о других»¹⁶.

Очевидно, при избрании той или иной стратегии поведения молодой человек ориентируется на литературные модели. Так, в автобиографии он пишет:

«Я хотел было остановиться на той ступени, на которую привел Шеллер-Михайлов одну из трех категорий людей, – это быть полным материалистом и думать только о своем животе и все стремления свои направить к этому. Но ведь я не животное какое-нибудь, все-таки я наделен разумом!»¹⁷.

Кедра Митрей понимает свое несоответствие охарактеризованной А. К. Шеллером-Михайловым категории людей, озабоченных лишь собственным благополучием. Семинарист избирает для себя другой наиболее подходящий тип поведения героев Шеллера-Михайлова. В читательский дневник он записывает следующую мысль:

«Есть люди, сознавшие, что правды нет на земле и не может быть – эти алчут только смерти. . . Ш-Михайлов. Я принадлежу к этой последней категории людей и мой единственный исход – смерть. Д. Корепанов»¹⁸.

Мысли о самоубийстве возникли как итог размышлений писателя о невозможности осуществления собственных идеалов в мироустройстве. Самоубийство как форма протеста против несправедливости мира находит отражение в поступках героев-максималистов Ф. М. Достоевского. Так, в очерке «Приговор» (1876) Ф. М. Достоевский описал сознание радикально настроенного человека, остро нуждающегося в мировой гармонии и вере, так как научный прогресс поставил под сомнение устоявшиеся нравственно-философские истины. В записях читательского дневника Кедра Митрея за 1910 год содержится целый ряд отрывков из художественных произведений романтического характера, объединенных темой отрицания Бога и самоубийства. Влияние этих текстов на автобиографию сказывается на уровне цитат, аллюзий и заимствований. Так, он выписывает отрывки из комедии Д. И. Фонвизина «Корион» (1764), являющейся переложением комедии «Сидней» Жана-Батиста Грессе. Главный герой пьесы Корион задумал свести счеты с жизнью, и одна из причин такого решения – положение «лишнего человека» в обществе:

Поняты не могу я долгу своего:

Я в обществе своем не значу ничего; <...>

Мне кажется, что те чрезмерно малодушны...

Которые оков не смеют разорвать:

Несчастный должен знать, как должно умирать»¹⁹.

В автобиографии Кедра Митрей также акцентирует внимание на своей бесполезности для других: «Наступали минуты, что я готов был моментально прекратить свою жизнь. На что, кому она нужна?»²⁰ Но если в литературе Кедра Митрей искал и находил обоснование для своего разочарования, то само разочарование имело не литературные, а вполне жизненные – биографические, социально-политические и исторические причины. Отречение от веры,

потеря нравственных ориентиров, трагические обстоятельства личной жизни (пьянство отца, несправедливое исключение друзей из семинарии) едва не привели молодого Кедр Митрея к самоубийству. Отказ от него заставляет принять действительность. В письмах 1910-х годов видна попытка выработать новую стратегию поведения, ориентирующуюся на идею Л. Н. Толстого о сути божественного как любовного и милосердного отношения к ближнему. Найденный в размышлениях смысл жизни для Кедр Митрея теперь обретается в борьбе с препятствиями и в «постепенном подъеме духа в связи с умственным и нравственным развитием»²¹. Любовь к ближнему не противопоставляется эгоизму, а дополняет его в мировоззренческой концепции. Самосовершенствование понимается как эгоизм, но при этом подразумевается и как благо для ближнего: «...Нужно заботиться о своем самоусовершенствовании и давать возможность к этому другим»²². Следуя новой для себя установке, Кедр Митрей видит смысл жизни в помощи окружающим и в общественной работе. Таким образом, самосовершенствование, приносящее и личную пользу, идея «практического эгоизма», популяризированная Н. Г. Чернышевским, также оказались близки Кедр Митрею. Он стремился оправдать собственную потребность в целостном понимании мира.

Некоторые события личной жизни «выпали» из указанной автобиографии Кедр Митрея. Один из поступков, о которых он умолчал, – его письмо директору семинарии о раскаянии в атеизме. В автобиографии Кедр Митрей в последний год обучения в учительской семинарии сообщает о намерении подготовиться к будущей профессии, наверстать упущенное время из-за депрессивного состояния и потери смысла жизни. Но приверженность идее и готовность идти на жертвы ради убеждений не позволили ему окончить курс семинарии. На занятии семинарист Д. И. Корепанов заявил учителю богословия о том, что преподаваемый предмет не представляет для него интереса, что было равнозначно сомнению в Боге. Этот поступок в автобиографии Кедр Митрей объяснил следующим образом: «Мера терпимости лицемерия во мне лопнула»²³. Д. И. Корепанов был отстранен от занятий в семинарии на неопределенный срок, а затем исключен из числа учеников на последнем курсе.

Сохранившееся в архиве покаянное письмо свидетельствует о душевном состоянии автора в этот период:

«...Я поневоле наткнулся на необходимость вернуться к вере; по приезде домой я долго терзался и никак не мог примириться, но после трехмесячного горького опыта в понесении и выдержке на себе плачевных последствий моего заблуждения, я именно понял, что действительно заблуждался. Этот переворот произошел, несомненно, от временного удаления меня из Семинарии»²⁴.

Переоценка прежних атеистических взглядов и изменение отношения к самоубийству нашли отражение во фрагменте незаконченного романа «Дитя больного века» (1914). Здесь автор утверждает, что потеря христианских идеалов ведет человечество к самоуничтожению. Название романа отсылает к стихотворению «Современному человеку» (1847) Ю. В. Жадовской. Поэтесса считала, что духовность человека невозможна без следования христианской морали. Из стихотворения Ю. В. Жадовской Кедр Митрей взял название и включил поэтический текст как эпиграф к роману: «Не истины святой то голос благородный...»²⁵. В художественном произведении Кедр Митрей придерживается системы ценностей, заданных в этом стихотворении.

В прологе романа «Дитя больного века» рассказчик вспоминает пророчества деда, которые сбылись со временем. Старик негативно оценивал новые капиталистические отношения, неверие и формальное следование религиозным обрядам. Современный человек, разуверившись в идеалах отцов, не сможет отыскать ответы на неразрешимые вопросы и погибнет: «Он окутает себя сетью мыслей давящих и режущих его как железо. И не выбраться ему из этой сети... беспомощно опустит руки и удавится»²⁶.

Рассказчик – один из современных атеистов, размышляющих над философскими вопросами о сущности бытия. Зная о тленности человека, он не жалеет примириться с отрицанием существования души:

«И вот хочется представить его (деда. – Л. Д., Т. 3.) все еще живым; не хочет воображение мириться с выводами науки и с какой-то манией протеста рисует его существующим, пуская, таким образом, мое личное “я” в самообман»²⁷.

Роман «Дитя больного века» остался без продолжения. Сам факт попытки создания подобного произведения свидетельствует о неудовлетворенности Кедр Митрея атеистической концепцией мира и о поиске новых путей его понимания и принятия. Эволюция мировоззрения писателя представляет собой поиск концепции жизни, альтернативной христианской вере, однако сознание его продолжало оставаться религиозным. Подобный образ мышления был характерен и для классиков русской литературы. Так, Л. Я. Гинзбург отмечала сложность решения проблемы Бога в духовных исканиях В. Г. Белинского и Л. Н. Толстого, для которых «смысл жизни поставлен в зависимость от решения проблемы смерти, а суть этой проблемы в том, что нет “другого света”» [5: 112]. Решением проблемы для В. Г. Белинского явилась вера в общественно-го человека, а Л. Н. Толстой создал, по существу, новое религиозное учение.

Таким образом, дореволюционное творчество Кедр Митрея демонстрирует, что его духовная

эволюция шла в контексте нравственно-этических, общественных поисков российской интеллигенции: через конфликт взаимоисключающих идей – к осмыслению и принятию новых форм общественного устройства.

ЗНАЧЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МИССИИ В НАВРСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КЕДРА МИТРЕЯ

Кедра Митрей видит свое призвание в служении народу, в практической деятельности учителя. Важной частью его жизненной программы стала подготовка к просветительской работе среди удмуртских крестьян, которая, по его мнению, может быть полезной и ему самому, и другим. В автобиографии и в письмах Кедра Митрей призывает знакомых просвещать крестьян в самых различных сферах жизни, в том числе объяснять важность чистоты и опрятности в быту. Так, в письме приятельнице, которой «желательно бы... попасться в кассирши, да все места заняты»²⁸, Кедра Митрей пишет:

«Оглянитесь кругом, всмотритесь в окружающую вас среду, и вы, несомненно, увидите массу народа, утопающего в грязи и мраке невежества. Народ не ведает, вы ведаете. Вы много можете дать этому народу! Напрасно вы отклоняетесь от своей обязанности учительствовать в народной школе пока возможно»²⁹.

Кедра Митрей продолжил традиции удмуртских писателей И. С. Михеева, И. В. Яковлева и других просветителей начала XX века, которые стремились реформировать привычный уклад жизни удмуртов, улучшить условия их труда и повысить уровень образованности. Идея просвещения народа объединяла общественную деятельность, научное, публицистическое и художественное творчество дореволюционной интеллигенции.

Значимый период общественной и публицистической деятельности Кедра Митрея связан с глазовской газетой «Камско-Чепецкий край», в которой он впервые выступает как журналист под псевдонимом Пан Реймит. Изученные нами материалы дают возможность предположить, что в газете просветительского характера Кедра Митрей вел колонку злободневных сообщений «Хроника». Автор колонки пишет о необходимости образования на родном языке, предлагает открыть склад книг на наречии глазовских удмуртов, а также основать краеведческий музей и школы кружевниц, которые развивали бы народное декоративное искусство и могли бы усовершенствовать «существующие рисунки поясов, опоясок и разных вышивок, так распространенных среди глазовских инородцев»³⁰. «Камско-Чепецкий край» ратует за приобщение крестьян к городской среде, при этом отмечает необходимость сохранения их традиционной материальной и духовной культуры. Для Кедра Митрея плодотворной моделью выступает в этот период тип журналиста-просветителя.

Наряду с осознанием себя как интеллигента и собственной миссии как просветительской, Кедра Митрей ощущает свои писательские возможности и интерес к автобиографической теме, которая открывает перспективы раскрытия судьбы не только частного человека, но и целого народа. Обращение Кедра Митрея к специфическому жанру автобиографии свидетельствует о поставленной им задаче отразить собственную жизнь и посредством возможностей жанра заново создать ее текстовый вариант.

Кедра Митрей в этом творческом начинании в качестве образца принимал примеры из литературы. Продуктивной моделью для подражания могли стать близкие для начинающего автора биографии писателей «из народа» – разночинцев и крестьян. В автобиографии и в других текстах Кедра Митрея отразились мотивы, характерные для писательских биографий, – упоминание о первой публикации, знакомство и вступление в круг творческой интеллигенции, литературный быт [8], [16]. Д. И. Корепанов рассматривает в качестве образца жизнеописание авторов, которые смогли получить признание и стать известными писателями:

«Прочитал автобиографию поэта-крестьянина Дрожжина. Ах, как восхваляют его! А жизнь его была тоже тяжелой! И он был не особенно доволен своим отцом. Такое же недовольство имели и Некрасов, и Кольцов»³¹.

Сходство жизненных ситуаций, в частности непонимание главой семейства занятий сына-писателя, ободряет Д. И. Корепанова и укрепляет решимость заниматься литературной деятельностью. Текст автобиографии с многочисленными упоминаниями автора о своем литературном творчестве представляет собой яркое этому доказательство.

Будучи учеником Зуринского училища, Митя переложил в стихи рассказ «Федя и Павлуша» (автор неизвестен):

«К сожалению, я не помню уже того склада, в каком составил; только не забыты мной слова: “Малый малышенок, глупый Павлушонек”. Думаю, что достаточно и этого, чтобы выяснить, насколько был нормален дар мой в этом выдуманном деле...»³².

Кедра Митрей в автобиографии вспоминает и первый дебют в семинарском журнале:

«Писал статейки на вотском языке в вышедшем тогда вотском журнале “Сандал”; так, написал я тогда рассказы (“Пойшуръёс вуиллям”), легенды (“Сюрес вылын”), сказки (“Мадэй юлтошенъёз”), художественные описания природы (“Тулъес вуиз, котъма сайказ”) и т. д.»³³.

В этом контексте нельзя не отметить сходные мотивы в автобиографиях С. Д. Дрожжина и Кедра Митрея. В частности, упоминание о первой публикации и знакомстве с известными литераторами. Так, Кедра Митрей пишет, что публиковал свои заметки на удмуртском языке в семинарском журнале «Сандал», был

знаком с финским этнографом Уно Хольмбергом, удмуртскими исследователями Г. Е. Верещагиным и И. В. Васильевым.

Для формирования модели писателя значим также мотив «переписывания», упоминаемый в текстах различной жанровой природы, и, соответственно, каллиграфические способности, сигнализирующие о принадлежности к письменной культуре. Мотив переписывания – один из важных компонентов житнетворческой модели писателя. Истоки его – в деятельности писца, до изобретения печатных машин окруженной почетом и благоговением, поскольку она оставалась в вечности «тот смысл, который был этого достоин» [19: 68].

Теме творчества и механическому переписыванию посвящен отдельный эпизод в автобиографии, где рассказывается о недолгой работе героя переписчиком в архиве волостной канцелярии. Родственник, земской писарь, восхищен почерком героя: «Мне твой почерк, Митя, нравится! – сказал, между прочим, Степан Захарович. – У вас в семинарии, верно, много пишут?»³⁴. Возможно, что мастерство переписчика обусловлено долгими упражнениями в чистописании, но молодой человек отказывается признавать за собой это умение, поскольку оно считается механической работой. В слове «писать» для него значим смысл «творить»: семинаристы много пишут, но их занятия не носят творческий характер. Автобиографический герой воспринимает вопрос Степана Захаровича как возможность рассказать о своих писательских способностях:

«Да, у нас немало письменной работы, на каждую неделю по одной теме давали. На наш класс выпало за прошлый год 26 тем для сочинений. Некоторые темы порядком таки объемисты и обширны, вот, например, темы: “Радостные минуты в жизни русского крестьянина” ... “Остатки языческих верований среди вотяков нашего села” – в особенности обширна последняя тема»³⁵.

Тем не менее, отказываясь от похвал о мастерстве каллиграфии, он внимателен к выведению букв на бумаге:

«А что относительно почерка, так я недоволен своим почерком. Он у меня весьма сбивчив, буквы получаются ломаные, например, буква *o* у меня совсем бывает заменена треугольником, круглых очертаний нет; потом буквы одни стоят прямо, другие наклонны в одну сторону, а третьи наклонны в противоположную вторым: ну, точь-в-точь ровно пьяные идут, шатаясь по мостовой»³⁶.

Отношение Кедр Митрея к переписыванию неоднозначное. С одной стороны, механический труд переписчика для него не столь интересен. Но его любовь к каллиграфии очевидна. Каллиграфические способности показывают его принадлежность к письменной культуре, поэтому значимы для самопрезентации. Дореволюционное творчество и биография писателя служат тому подтверждением.

Вынужденный уход из семинарии заставляет Кедр Митрея искать средства для пропитания. Он стремится найти занятие, достойное интеллигентного человека. Тетради Кедр Митрея хранят газетные вырезки с его объявлениями о поиске работы. В одном из них он указывает: «Имею прекрасный почерк! Обладаю хорошим русским слогом!»³⁷. Теме переписывания посвящен рассказ Кедр Митрея «Загадочный человек», написанный в 1911 году во время поисков должности. В газетных объявлениях Д. И. Корепанов указывал свой адрес. В рассказе описан случай встречи героя и таинственного человека, который приходит к нему в съемную комнату и предлагает работу конторщика. Возможный работодатель, рассматривая рукописи молодого человека, отмечает красивый почерк. Это заставляет автора поверить в себя и свои возможности.

Из рукописей Кедр Митрея известно, что он пытался опубликовать автобиографию. Он обращался к профессору А. Н. Катанову, председателю Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; писал в редакции популярных российских журналов «Нива» и «Природа и люди». Приблизительно в 1912–1913 годах молодой человек отправил свое произведение в редакцию нового журнала «Сотрудник печати» (Санкт-Петербург). В публикации было отказано по следующей причине: «Возвращается ввиду невозможности использовать для газеты из-за объема. Слог хорош. Местами требуются исправления стилистические»³⁸. Обида литератора из-за несправедливого отношения к нему издателей выражается в статье «О тяжести жизни. Псевдо-философия». Автор рассуждает о судьбе молодого автора и особенностях литературного быта:

«Почти непреодолимое препятствие встречает молодой писатель, вступая на литературное поприще. Не пользуясь никакой известностью в ученом мире и в кругу литераторов; не прославившись, ему нет доступа к пожинателям лавров литературы и учености, его нигде не принимают и не обращают на него никакого внимания, ожесточенно набрасываются на малейшие его вывихи и промахи. Молодые литераторы, непризнанные, зачастую разочаровываются и, после нескольких неудачных попыток, окончательно падают духом. Сочли ничтожным, невидным! А между тем, “из червя, может, вышел бы муравей”³⁹. Сколько, может быть, таким образом, погибает даже талантливых лиц!»³⁹.

В 1911–1914 годах, после увольнения из семинарии, молодой автор, наряду с поисками работы, занимается литературной деятельностью: участвует в издании газеты, пробует свои силы в жанре очерка, рассказа, романа, пишет трагедию. Однако творчество не дает средств к существованию, и Кедр Митрею приходится зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом. В этот период написано стихотворение «Не делюсь ни с кем я горем...» (1912):

«Не делюсь ни с кем я горем,
 Один страдаю и терплю.
 Судьба! В терпении дай поспорим, –
 И натиск грубый я сорву.
 Я не боюсь твоей угрозы
 И никаких твоих преград,
 Видал я много в жизни горя,
 Ему уж близок я, как брат.
 Вперед – измученный, избитый,
 Идти я буду напролом.
 Мешай ты мне, меня изби ты,
 Не сокрушишь жестоким злом.
 Хотя я пред тобой ничтожный,
 Но не боюсь я тебя;
 Пущу я смело меч могучий
 И брошу вызов на себя.
 Во мне горят надежда, вера,
 Любовь мне помогает жить;
 А ты... О где безумству мера?
 Меня ты хочешь низложить.
 Нет, рано! Далеко до сдачи!
 Я докажу, что я сильней.
 Наступит час моей удачи
 И будет много мощных дней.
 ...Понесу я крест тяжелый
 Гордо на груди своей...»⁴⁰

Стихотворение романтическое, лирический герой предстает в образе мученика. Текст еще раз доказывает близость писателя к христианской культуре. Житийные мотивы, намеченные в этом стихотворении, нашли отражение как в творческой биографии, так и в судьбе Кедра Митрея.

Имя Дмитрий было значимо для писателя. Кедра Митрей был хорошо знаком с житием св. Димитрия Ростовского (1651–1709) – авторитетного проповедника и церковного писателя, составителя сборника «Четьих-Миней». В учебных тетрадах Кедра Митрея сохранились

переводы кондака и тропаря святому, а также сочинение-пересказ его жития «Житие святителя Димитрия, митрополита Ростовского, имя которого я ношу...»⁴¹. Димитрий Ростовский мог быть для Кедра Митрея ориентиром в будущей просветительской деятельности. Кедра Митрей с помощью и этой агиографической проекции утверждает себя в статусе писателя. Писательская деятельность дала возможность Кедра Митрею реализовать свой нравственно-духовный потенциал и войти в избранный круг творческой интеллигенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование мировоззрения Кедра Митрея определяется общими эпохальными событиями, обусловившими единство направления творческих поисков многих представителей российской интеллигенции. Отречение от веры и последовавший за ним мировоззренческий кризис находят отражение в автобиографии Кедра Митрея, в которой он предстает убежденным романтиком. Неудовлетворенность атеистической концепцией мира и переоценка прежних взглядов реализуется в виде попытки написания романа «Дитя больного века». В нем автор утверждает, что отказ от христианских идеалов способствует самоуничтожению человека. Смысл жизни Кедра Митрея вновь обретает в служении народу. В исследуемый нами период он видел свою миссию как осуществление задач просветительства и приобщения удмуртов к благам цивилизации. Намерение осуществить эту задачу давало Кедра Митрею право претендовать на биографию писателя и даже на своего рода «житие». Таким ему виделось становление интеллигента.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006 p_a.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузубея Герда (далее – НМ УР им. К. Герда). Д. 41782/162-УРМ. Кедра Митрей (Корепанов Д. И.). Автобиографическая повесть. Рукопись. 1911.
- 2 Кедра Митрей. Дитя больного века: отрывки из повести // Кедра Митрей. Избранное. Ижевск, 1965. С. 140–200.
- 3 Кедра Митрей. Дитя больного века: Повесть // Инвожо. 1993. № 10. С. 8–18; № 11. С. 15–22; № 12. С. 13–22; 1994. № 1. С. 9–15; № 2. С. 10–19; № 3. С. 11–23, 33–35.
- 4 НМ УР им. К. Герда. Д.27562/1-УРМ. Корепанов Д. И. Книга 2-я. Сборник тетрадей по арифметике, географии, естествоведению и алгебре, выписки из книг и стихотворения. Л. 356.
- 5 Там же. Л. 219 об.
- 6 Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук; рукописный фонд (далее – НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ). Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 211–217.
- 7 Корепанов Д. И. Тетради по чистописанию, русскому языку, всеобщей истории, Закону Божию и др.<ное> м<ное>е> пр<очее>. Кабинет удмуртской литературы и фольклора при кафедре удмуртской литературы и литературы народов России Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета.
- 8 НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ.
- 9 Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 93. Оп. 1. Д. 949, 949а, 1114.
- 10 Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 122. Оп. 1. Д. 149, 605.
- 11 Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 3. Д. 7815.
- 12 НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196.
- 13 НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 97 об.
- 14 Кедра Митрей. Дитя больного века: Автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 139. Далее цитируется по этому изданию.

- ¹⁵ Там же. С. 145.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Там же. С. 151.
¹⁸ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 273.
¹⁹ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 251 об.–252.
²⁰ Кедр Митрей. Дитя больного века... С. 151.
²¹ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 345 об.
²² Там же.
²³ Кедр Митрей. Дитя больного века... С. 186.
²⁴ ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1114. Л. 5.
²⁵ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 214.
²⁶ Там же. Л. 217 об.
²⁷ Там же. Л. 213.
²⁸ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 343 об.
²⁹ Там же. Л. 344 об.
³⁰ К открытию школы кружевниц в Глазовском уезде // Камско-Чепецкий край. 1912. № 5 (20 мая).
³¹ Кедр Митрей. Дитя больного века... С. 188.
³² НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 30 об.
³³ Кедр Митрей. Дитя больного века... С. 142.
³⁴ Там же. С. 176.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же.
³⁷ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 189.
³⁸ НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 3.
³⁹ НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 95 об.–96.
⁴⁰ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 339–339 об. Текст документа приведен с точным сохранением пунктуационных, стилистических и языковых особенностей подлинника.
⁴¹ Корепанов Д. И. Книга 1-я. Тетради по чистописанию... Л. 351–355.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арекеева С. Т., Литовская М. А. Кедр Митрей: тип творческого поведения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: Коллективная монография. Ижевск; Сыктывкар, 2014. С. 457–486.
2. Богомолова З. А. Творчество Кедр Митрея. Ижевск: Удмуртия, 1967. 116 с.
3. Богомолова З. А. Ей обеспечено место в книге памяти народа // Удмуртская правда. 2008. 1 февр. С. 12.
4. Ванюшев В. М. Кедр Митрей: жизнь как творчество. К постановке вопроса // Пермистика 10: вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. С. 101–107.
5. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 414 с.
6. Ермаков Ф. К. Путь удмуртской прозы. Ижевск: Удмуртия, 1975. 145 с.
7. Ермолаев А. А. О Кедр Митрее и его произведениях // Ермолаев А. А. Об удмуртской литературе. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2013. С. 45–49.
8. Кучерская М. А. Полезное соседство: Н. С. Лесков в работе над автобиографией // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 172–180.
9. Леонтьев Д. А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений. М., 2001. С. 100–109.
10. Литовская М. А. Кедр Митрей: образ классика-основоположника в современной словесности // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 132–141.
11. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 25–74.
12. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 11–264.
13. Паперно И. А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 207 с.
14. Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999. 300 с.
15. Рогозина Е. Н. Традиции итальянской commedia dell'arte в творчестве Л. Пиранделло и Д. Фо // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 4. С. 24–27.
16. Рыкунина Ю. А. Писатели из народа: (авто)биографические тексты и контексты // Autobiografija. 2014. № 3. С. 15–29.
17. Худенко Е. А. Жизнетворчество как метатекст: Мандельштам – Зощенко – Пришвин (30–40-е гг.). Барнаул, 2011. 165 с.
18. Шахадат Ш. Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 440 с.
19. Эпштейн М. Н. Князь Мышкин и Акакий Башмачкин: (к образу переписчика) // М. Н. Эпштейн. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. С. 65–80.
20. Grossman J. D. Valery Briusov and Nina Petrtovskaia: Clashing Models of Life in Art // Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism (I. Paperno and J. D. Grossman, Ed. by). Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 122–150.

Поступила в редакцию 16.05.2019

Larisa A. Dmitrieva, PhD in Philology, Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russian Federation)
lad95@udman.ru

Tatyana I. Zaitseva, Doctor of Philology, Udmurt State University
(Izhevsk, Russian Federation)
uawoz@rambler.ru

LIFE-CREATION MODELS IN THE PRE-REVOLUTIONARY WORKS BY AN UDMURT WRITER KEDRA MITREY*

The paper describes life-creation models of an Udmurt writer Kedra Mitrey as reflected in the texts created by him between 1907 and 1917. Most of these works are preserved as manuscripts, including Kedra Mitrey's autobiography (1911). So far, it has been published only fragmentarily as a novel under the title *A Child of the Sick Century*. For the first time, the archival corpus of Kedra Mitrey's texts is interpreted by us in the life creation aspect. The writer's manuscripts and his life practices of the pre-revolutionary years are interpreted as a single text with a definite conception, inscribed into the socio-cultural and literary context of the era. The main idea of the article is that there is evidence for the relationship between the life behavior and the artistic world of the writer, which manifested itself in a steady set of themes and motifs of his works. Each text of Kedra Mitrey has its own concept, corresponding to an individual "set" of life-creation models, including a "member of the intelligentsia", a "romantic maximalist", a "writer from the people" and others.

Key words: Udmurt literature, Kedra Mitrey, life creation, life-creation models, life behavior, genre, autobiography, memoirs, national intelligentsia

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Udmurt Republic as Project No 18-412-180006 r_a.

Cite this article as: Dmitrieva L. A., Zaitseva T. I. Life-creation models in the pre-revolutionary works by an Udmurt writer Kedra Mitrey. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.425

REFERENCES

1. Arekeeva S. T., Litovskaya M. A. Kedra Mitrey: a type of creative behavior. *Permskie literaturny v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti*. Izhevsk, Syktyvkar, 2014. P. 457–486. (In Russ.)
2. Bogomolova Z. A. Creative works of Kedra Mitrey. Izhevsk, 1967. 116 p. (In Russ.)
3. Bogomolova Z. A. She secured herself a place in people's memory book. *Udmurtskaya pravda*. 2008. February 1. P. 12. (In Russ.)
4. Vanyushev V. M. Kedra Mitrey: life as the artistic creation. Formulating a research problem. *Permistika 10: Voprosy permskoj i finno-ugorskoj filologii*. Izhevsk, 2009. P. 101–107. (In Russ.)
5. Ginzburg L. Ya. On psychological prose. Moscow, 1999. 414 p. (In Russ.)
6. Ermakov F. K. The path of Udmurt prose. Izhevsk, 1975. 145 p. (In Russ.)
7. Ermolaev A. A. Kedra Mitrey and his works. *Ermolaev A. A. Udmurt literature*. Izhevsk, 2013. P. 45–49. (In Russ.)
8. Kucherskaya M. A. Useful proximity: N. S. Leskov working on an autobiography. *New Literary Observer*. 2016. No 4. P. 172–180. (In Russ.)
9. Leont'ev D. A. Life-creation as a practice of expanding the life-world. *Proceedings of the First All-Russian Research and Practice Conference on Existential Psychology*. Moscow, 2001. P. 100–109. (In Russ.)
10. Litovskaya M. A. Kedra Mitrey: the image of a classic and a founder in contemporary literature. *Proceedings of the X International Research Conference "Dergachev Readings – 2011. Russian literature: national development and regional specifics"*. Ekaterinburg, 2012. Vol. 3. P. 132–141. (In Russ.)
11. Lotman Yu. M. The Decembrist in daily life (everyday behavior as a historical and psychological category). *The literary heritage of the Decembrists*. Leningrad, 1975. P. 25–74. (In Russ.)
12. Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics. *Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow school of semiotics*. Moscow, 1994. P. 11–264. (In Russ.)
13. Paperno I. A. The semiotics of behavior: Nikolay Chernyshevsky and the age of realism. Moscow, 1996. 207 p. (In Russ.)
14. Pecherskaya T. I. Raznochintny of the 1860s. The phenomenon of self-consciousness in the aspect of philological hermeneutics. Novosibirsk, 1999. 300 p. (In Russ.)
15. Rogozina E. N. Traditions of Italian commedia dell'arte in the works of L. Pirandello and D. Fo. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2002. No 4. P. 24–27. (In Russ.)
16. Rykunina Yu. A. Writers from the people: (auto)biographical texts and contexts. *AutobiografiYA*. 2014. No 3. P. 15–29. (In Russ.)
17. Khudenko E. A. Life creation as metatext: Mandelstam – Zoshchenko – Prishvin (the 1930s and the 1940s). Barnaul, 2011. 165 p. (In Russ.)
18. Schakhadat Sh. The art of living: Life as a subject of aesthetic attitude in Russian culture between the XVI and the XX centuries. Moscow, 2017. 440 p. (In Russ.)
19. Epshteyn M. N. Prince Myshkin and Akaky Bashmachkin: (a copyist image). *Epshteyn M. N. Paradoxes of novelty: The development of literature in the XIX and the XX centuries*. Moscow, 1988. P. 65–80. (In Russ.)
20. Grossman J. D. Valery Briusov and Nina Petrrovskaja: Clashing models of life in art. *Creating life: The aesthetic utopia of Russian modernism*. Stanford, 1994. P. 122–150.

Received: 16 May, 2019